

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., илл.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains a monograph titled “Baltoslavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph's sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация <i>ins. pl. ā</i> -склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабиянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амерзийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в....	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481

Р. В. БУЛАТОВА

Воспоминания

Я решила зафиксировать на бумаге свои воспоминания о годах, когда волею судьбы и обстоятельств была тесно связана со Славой Илич-Свитычем и Володей Дыбо, которые стали с тех пор на весь мой долгий век дорогими людьми. Почему с таким опозданием, лишь подбираясь к своему 90-летию, я решила на это? Сейчас я живу далеко от своей страны, от московской квартиры, где есть кое-что нужное для такого рассказа, и у меня нет надежды, что возраст и обстановка в мире дадут мне возможность изложить задуманное более документированно. Поэтому я решила, больше не откладывая, взяться «за перо».

О Володе имеется немало обстоятельных публикаций, написанных по случаю знаменательных дат. Тем не менее мне, как свидетелю их дружбы со Славой и соучастнику его работы над Ностратическим словарём Свитыча, есть что добавить. А вот о Славе, прожившем короткую, но необыкновенно яркую жизнь, кроме некрологов и отзывов о Ностратическом словаре, незаслуженно мало написано. Этот «лучший из лучших» лингвистов XX века (В. Н. Топоров. «Памяти В. М. Илича-Свитыча»¹) еще ждёт своего биографа, которому и пригодятся мои воспоминания, как и его супруги М. В. Никулиной². Когда в публикациях коллег (чаще всего нового поколения) проскальзывает, или хуже – утверждается, – неточность в освещении тех событий, которые прошли на моих глазах, у меня естественно возникает потребность сказать своё слово. Вот – основной импульс для моих писаний.

Центральной площадкой описываемых событий был Институт славяноведения Академии наук СССР (Инслав), располагавшийся в небольшом особняке в Трубниковском переулке, 12 в центре Москвы. А собирателем участников – профессор Самуил Борисович Бернштейн (1910–1997), или, как мы его называли, Сэм. Сэм был главным славистом советской лингвистики. Он возглавлял кафедру славянских языков и литератур на филологическом факультете МГУ и, одновременно, – Отдел славянской филологии (после разделения – Сектор славянского языкознания) в Институте славяноведения. Инслав вхо-

¹ См.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. С. 267–268. – *Ред.*

² <http://illichpv.narod.ru/list.html>

дил в Отделение истории АН, и лингвистика была там на вторых ролях. Авторитет Сэма был очень высок, и только он решал кадровые вопросы, касающиеся лингвистики. Основное достоинство С. Б. было в его чутье на таланты, которыми он не боялся себя окружать, давая возможность одаренным людям реализовываться в полной мере. Недаром Инслав отличался в 70–80-е годы обилием академиков-лингвистов (Топоров, Зализняк, Толстой, Дыбо).

В 1956 году, в августе, в год моего окончания Славянской кафедры филфака МГУ, я стала мамой сына и всецело была поглощена этим счастливым событием. А уже в октябре меня неожиданно пригласили на беседу к директору Инслава П. Н. Третьякову. Дело в том, что Сэм принёс мою пухлую дипломную работу по сербохорватскому языку в Инслав своему учёному секретарю Елене Владимировне Чешко, которая занималась той же темой глаголов движения по материалам других славянских языков. Не зная меня лично, Чешко проявила инициативу взять меня в Инслав. Так, нежданно-негаданно, я оказалась почти сразу со студенческой скамьи в академическом институте на должности младшего научного сотрудника.

В то время в секторе Бернштейна работали талантливые Владимир Николаевич Топоров (1928–2005), выпускник русского отделения филфака МГУ, и Олег Николаевич Трубачёв (1930–2002), аспирант Сэма, выпускник Днепропетровского университета. Они совместно трудились над монографией «Гидронимы Верхнего Приднестровья». В 1957 г. Трубачёв защитил кандидатскую диссертацию и получил приглашение в Институт русского языка АН, где имелась возможность создать подразделение для монументальной работы над славянским этимологическим словарём под его руководством. Сэм был рад такой перспективе для своего ученика и отпустил его под крыло В. В. Виноградова, где Трубачёв со временем стал академиком и замдиректора. В секторе Сэма также работал Григорий Куприянович Венедиктов (1929–2021), выпускник Ленинградского университета, прошедший стажировку в Болгарии. Исключительная скромность Гриши, который впоследствии стал академиком Болгарской академии, его неизменная готовность прийти на помощь сделали его нашим надёжным другом.

В 1958 году сектор Бернштейна пополнили почти одновременно выпускник славянской кафедры, любимый ученик Сэма Владислав (Слава) Маркович Иллич-Свитыч (1934–1966) и Владимир Антонович Дыбо (род. 1931), выпускник Горьковского университета, аспирант

Вячеслава Всеволодовича Иванова. В 1960 году к нам присоединился выпускник романо-германского отделения филфака МГУ Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017), прошедший курс обучения в Париже. Важно отметить, что эти трое – разные по профессиональным интересам, но объединённые общим научным рвением – проработали бок о бок в тесном дружеском контакте 6 лет. Лишь в 1967 г., после гибели Славы, Зализняк перешёл в Сектор структурной типологии, которым тогда руководил Вячеслав Всеволодович Иванов.

Наша дружба втроем началась в конце 1959 г. Основанием её была наша общая «беда» – мы были немосквичи, а значит «бездомные». Жёны Славы и Володи в 58 и 59 гг. рожали детей в провинции у своих мам, мужа же мыкались по съёмным комнатам, как и я с моим мужем В. Гудковым. С того времени и берут начало мои воспоминания.

Володя Дыбо

Беру на себя смелость утверждать, что не столько по старшинству лет, сколько по своей сути наибольшее влияние на своих коллег имел Дыбо, занимавшийся и тогда, и на протяжении всей своей жизни в науке одной из самых сложных областей языкознания — акцентологией. Помнится, что в первой планкарте Свитыча в Инславе была не акцентология. Но в результате тесного общения с Дыбо Слава в 1963 г. выдал на-гора монографию по балто-славянской акцентологии. Фундаментальные разработки Дыбо легли в основу анализа праславянской и русской акцентуации Зализняка. Особо помню, как мы радовались открытию Андреем в древнерусском памятнике XIV века «Мерило праведное», где он обнаружил под различной передачей фонемы *О* ударность/безударность. Именно Дыбо настоятельно указывал на ценность для исторической акцентологии материалов древних памятников письменности и диалектов.

Силу влияния личности Дыбо, его убеждённости испытали на себе все, кто близко с ним соприкасался. Прежде всего его дочь Анна, сама считающая себя ученицей отца, определившего ее профессиональную судьбу. Особенно же впечатлил меня другой пример, когда далекий от лингвистики муж Ани – физик Саша – признался мне, что под влиянием тестя написал книжку, которую, к сожалению, не успел мне подарить.

Феномен Дыбо – не златоуста, не полиглота – в его абсолютной погружённости в науку при максимальной отрешённости от условно-

стей и внешних обстоятельств. Он был неудобным автором для редакторов-составителей сборников, поскольку не считался ни со сроками, ни с ограничениями объёма. Пока Дыбо не достигнет приемлемого для него результата в написании обещанной статьи, не доведёт свой тщательный анализ до полной ясности, его не сдвинут ни стоны, ни отчаяние редактора, ни что иное.

У него были свои чёткие, неукоснительно соблюдаемые критерии к своим статьям и монографиям. При этом он не желал тратить дорогое время на карьерное оформление уже сделанного и опубликованного. Я имею в виду написание кандидатской и докторской диссертаций, смысла которых он попросту не видел. Первую он защитил в Инславе в 62-м году под нажимом Свитыча и Зализняка. Название диссертации придумал Андрей: «Проблема соотношений двух балтославянских родов акцентных соответствий в глаголе». Для оформления текста докторской диссертации, защищённой лишь в 79-м году, пришлось уже мне применить решительность: насильно засадить Володю, чтобы обговорить весь костяк текста, сформулировать названия составляющих его частей и определить жёсткие сроки написания этих частей с доставкой их лично мне в руки. Не знаю, как это получилось, но ко мне через Крылова (тогда супруга Анны) стали в назначенные сроки поступать первые части докторской диссертации. Со временем Володя втянулся в эту работу (не исключаю здесь помощь его жены Леры) и заканчивал её уже без моего подстёгивания.

Володя абсолютно кабинетный учёный. В отличие от Славы, просиживавшего в Ленинке ещё со студенческих лет, он предпочитал работать в изоляции, укромно и, сидя в Горьком или в марийском селе, куда он попал по распределению, выписывать себе книги и микрофильмы из библиотек. Но в то же время Володя всегда нуждался в общении с коллегами. В течение 8 лет (1958–1966) его главным собеседником был Слава, потом Арон Долгопольский, а в дальнейшем – его ученики из организованного им во время работы над наследием Славы Ностратического семинара: Старостин, Николаев и др. Всю свою взрослую жизнь рядом была дочь Анна, переселившаяся из Москвы в Мытищи в тот же дом, где жил отец, которого она почитает как своего Учителя.

Володе явно повезло со спутницей жизни. Лера Чурганова, уравновешенная, спокойная, составила ему гармоничную пару, что первым отметил Слава. Володя с Лерой регулярно бывали у нас на Ленинском проспекте (дом 93), а потом и на проспекте Вернадского (дом 95-2), куда

мы переехали в 1969 г. Лера, по-видимому, как-то участвовала в работе мужа. Помогал ей в работе и Володя, о чем он сам мне рассказывал уже после Лериной смерти: когда Лера заболела, писал за неё карточки в словарь, над которым она работала в Институте русского языка.

Ещё одна особенность Володи в том, что он одинаково уважительно общается с людьми разных уровней интеллекта, воспитания и социального статуса, в том числе и с детьми. Вот пример. 12-е апреля 1961 г. – Гагарин в космосе, затем – праздничный кортеж, проезжающий у нас под окном на Ленинском. Как и все вокруг, наш пятилетний Андрей – в радостном подъёме. Приходит Володя, сын к нему: «Дядя Володя, у нас тут Гагарин в космос летал!» Невозмутимый Дыбо со строгим интересом: «А что такое космос?» Вопрос явно по существу, и ребёнок в растерянности задумывается. Андрей помнит об этом до сих пор – через 60 лет!

Другой случай. Я в 1980 г. – в онкологической клинике за городом. После жёстких радиопроцедур меня необходимо прогуливать. Без сопровождающих пальто не выдают. Мои близкие друзья поочерёдно приезжают. Появляется и Дыбо. Старичок-гардеробщик, уже знающий меня, подавая Володе моё пальто, вежливо спрашивает: «А вы её папа?» Володя в знак согласия кивает головой.

Володя, живший исключительно наукой, вёл со Свитычем нескончаемые разговоры о лингвистике в любых обстоятельствах. Однажды по инициативе Славы мы в день зарплаты пошли в только что открывшийся недалеко от Института ресторан «Пекин». Славу привлекла экзотика китайской кухни, а Дыбо – разговоры о науке. Сидим, ждём заказа. У них идёт оживлённая дискуссия по какой-то важной проблеме. Я робко осматриваю зал. Подходит какой-то хмырь: «Можно вашу даму пригласить на танец?» Они, не отрываясь от беседы, тут же соглашаются. Я, конечно, отказываю хмырю и обижаюсь (ненадолго) на своих гениальных.

Впрочем, несмотря на постоянную и глубокую погруженность в науку, Дыбо мог увлечься какой-то исторической личностью и тогда читал и размышлял о предмете увлечения много и основательно. Так, у него возник жгучий интерес к Нестору Махно. В юности Володя слышал рассказы о Махно от своего отца Антона Тимофеевича, который был из запорожских казаков и волею судьбы пересекался с Махно и его окружением. Отцовская оценка этой легендарной личности отличалась от официальной. Володе было интересно разобраться самому, чем он и занялся, сформировав свой собственный взгляд на

Махно – основательный, аргументированный. Он охотно делился с друзьями своими заключениями об этой личности. Так было и с его интересом к Троцкому.

Стиль работы Дыбо отличался неспешностью, ровностью, отсутствием нервозности и перепадов настроения. Володе не свойственны сильные эмоции. Внешне он всегда реагирует на обращение к нему как будто замедленно. И только один раз я оказалась свидетелем его эмоционального взрыва. Это случилось, когда мы втроём – Дыбо, Долгопольский и я – шли поздним вечером из Трубников к метро. Навстречу нам – трое подвыпивших парней, которые стали грязно цепляться к Арону с антисемитскими оскорблениями. И тут всегда погруженный в себя мирный Володя вдруг преобразился и грозной фурией налетел на парней, которые от неожиданности ретировались. Он не терпит унижения человеческого достоинства.

Володя – человек повышенной требовательности и абсолютной честности в работе, прежде всего к себе самому. Но и когда требуется его оценка научного качества работы коллеги, он высказывает её принципиально и бескомпромиссно. Показательна история с книгой Трубачёва, которую Институт русского языка выдвигал на Государственную премию. Для выдвижения нужна была поддержка Учёного совета нашего института. Дыбо нечасто посещал заседания Учёного совета, а на этом был и выступил с основательным анализом трубачевской монографии, где указал недоработки в этимологиях автора. В результате книга не была представлена на госпремию, а Трубачёв помнил об отзыве Дыбо до конца своих дней, что надолго отсрочило избрание того в академики.

Докладчиком Дыбо был своеобразным. Вот на конференции с участием коллег из Института русского языка Дыбо рассказывает о своём открытии в акцентологии (впоследствии известном как «второй закон Дыбо»). Доклад сухой, голос монотонный. Аудитории скучно, она воспринимает доклад без интереса. Председательствующая из братского института то и дело пытается прервать докладчика – мол, время истекло, нисколько не осознавая масштаба происходящего. Позднее Зализняк своим изложением придал этому открытию весьма привлекательную форму, заинтересовав ею немало своих аспирантов.

Когда в 1986 году Бернштейн ушёл на пенсию, руководителем сектора стал известный всем в Инславе сексот³ Лёва Смирнов. Дыбо не

³ «Сексот» – в интеллигентском просторечии – секретный сотрудник органов госбезопасности.

реагировал на эту ситуацию, как и на иные внешние факторы. Мне было невмозгалу. У меня ещё при Славе случилась такая конфронтация с этим типом. Сняли Хрущёва. Слава пришёл в институт с газетой. Мы втроем сидим в уголке, читаем, обсуждаем. Боком, крадучись, с кривой ухмылочкой подходит Смирнов, прислушивается. Я не выдерживаю, резко ему: «Ну что, услышал? Иди, звони! Телефон наизусть помнишь?» Смирнов отошёл с каменным лицом. Работать «под ним» было неприемлемо. Сначала я обратилась к Топорову – не податься ли нам в его сектор? Топоров мягко отсоветовал. Тогда я пошла к Никите Ильичу Толстому, хотя его группа, очень цельная, занималась далёкой от нас «духовной культурой». Никита нас взял, спасибо ему. Когда группа Толстого стала сектором, Никита Ильич, не советуясь и не спрашивая моего согласия (я в тот момент была в Ленинграде, работала в отделе рукописей), сделал меня своим учёным секретарём. Наш тандем с Н. И. длился лет 8.

Слава Иллич-Свитыч

Случай положил начало моей дружбе со Славой. Когда он в 58-м году появился в Инславе, я, конечно, уже знала его по факультету как выдающегося студента, активиста НСО (Научное студенческое общество). Я, конечно, видела его в присутственные дни, но мы никогда не общались. Но в начале лета 1959 г. мы с ним неожиданно столкнулись на Павелецком вокзале: оказалось, что мы оба ездим в Расторгуево, где снимаем жильё. Я с мужем Володей Гудковым и двухлетним сыном Андреем, а Слава – один, поскольку его жена с годовалым сыном были у тещи в Калининe (Твери). Однако в момент, когда мы столкнулись, я тоже была одна: мужа забрали на два месяца на военные сборы, а сына я была вынуждена отправить маме в Куйбышев (Самару). Слава в ожидании приезда семьи на лето, озабочен покупкой кровати для малыша. Я предложила взять на это время кровать моего сына. Так как Славино жильё было по другую сторону железнодорожных путей, нам нелегко далась транспортировка тяжёлой железной кровати. Тогда же я увидела в съёмной комнате Славы картотеку готовящегося македонского словаря: она располагалась в многочисленных коробках из-под обуви.

Когда Гудков вернулся из армейских сборов, мы нанесли Свитычам визит, тогда и познакомились с его женой Майей Никулиной. Я, тоскуя о своём сыне, прикипела к их Павлику. Остались фотогра-

фии, сделанные Гудковым, передающие наше тогдашнее настроение. Павлуша, небойкий мальчик, охотно пошёл ко мне. Позже, когда семья Славы жила в Загорянке и мне приходилось приезжать туда со срочными корректурами Славиной монографии, Павлик неизменно ко мне тянулся. В моей московской квартире есть рисунок пятилетнего Павлуши с надписью Славиной рукой: «Тётя Римма, приезжай ко мне на день рождения».

После трагедии августа 66 г. Павлуша жил у нас несколько дней, хотя это я помню неотчётливо. А потом я долго его не видела – аж до 2010 года, когда мы вновь пересеклись, и с тех пор мы не теряем связи. Он ко мне трогательно-внимателен. Но у этой дружбы своя история и отдельный рассказ.

В конце 59-го года моя семья получила 18-метровую комнату в квартире на Ленинском проспекте (дом 93), со вскоре ослепшим соседом – дедушкой Василием Филипповичем Румянцевым. Слава с Володей регулярно бывали у нас, нередко оставались ночевать на полу. Слава подарил нам, к неописуемой радости Андрейки, котёнка, дав ему имя Микуся, который вырос в умного кота. Он гулял по ночам, а утром прибегал ко мне по звону ключей, чтобы подняться домой на 7-й этаж.

Когда Свитыч с Дыбо появились в нашем секторе, Владимир Николаевич Топоров проявил к ним особое внимание и пригласил обоих к себе в гости. Для закрытого, молчаливого Топорова – это был жест необычный. Новички сознавали исключительность ситуации и предвкушали вкусное застолье. Я, конечно, тоже волновалась, как пройдёт визит. Их рассказ содержал некое недоумение: из напитков были лишь соки, отличный томатный. Мы тогда не знали, что Владимир Николаевич был принципиальным врагом спиртного.

В 1961 г. Сэм послал в диалектологическую экспедицию Н. И. Толстого, Г. П. Клепикову и Свитыча в Узбекистан, где были сёла македонских эмигрантов из Эгейской Македонии. Экспедиция привезла ценный материал, который Сэм планировал использовать для македонского диалектологического атласа. А Слава, со своим чутьём и талантом языковеда, обнаружил у эгейских македонцев следы праславянского ринезма. В результате появилась небольшая, но ценная статья, огорчившая Никиту Ильича, который не разглядел в этих говорах следы носовых.

По присутственным дням мы сплочённой группой: Дыбо, Свитыч, Инна Можяева, я и Юра Смирнов (фольклорист, надолго прилепив-

шийся к нам⁴) – ходили обедать в Дом кино в двух шагах от Института, на углу улиц Воровского и Садовой. Инслав имел такую привилегию: нас, «академиков», туда пускали. Обед нужно было заказывать и ждать. Поэтому было время для общения и застольных игр. Этим всегда верховодил Слава. Он почти каждый раз приносил что-то новое и особенное. Помню, как он увлёкся сам и нас заразил увлечением телепатией, наличие которой мы друг на друге проверяли за столом. Эти опыты продолжались много обедов. Лучшим «индуктором» в результате оказался Слава, а «перципиентом» – Юра.

Помню эпизод, когда Слава спросил: «А если бы была книга, где указаны даты жизни всех людей, кто бы из нас хотел бы в неё заглянуть, чтобы узнать дату своего ухода?» Готовность изъявил один Дыбо...

Оказавшись в нашем институте, Слава при своей внешней замкнутости и некоторой отстранённости был, пожалуй, единственным из больших учёных, который активно реагировал на атмосферу в коллективе. Ярким маркером жизни Инслава был наш капустник, девиз которого сформулировал остроумный литературовед Стахеев: «А мы начальству портим каждый праздник, они же будни отравляют нам». Славка стал острым автором наших капустников. Он писал не на заказ. В своих сценках и песенках он выражал собственные рефлексии на актуальные события. Так, на появление у нас структуралистов (зачисленных и брошенных С.К. Шаумяном, слинявшим в Институт русского языка, и Сэм с трудом уговорил В.Н. Топорова возглавить вновь прибывших) Слава отреагировал сценкой «Чужие дети» и песенкой на мотив «Марша энтузиастов» (помню отрывок: «мы вломимся бесстрашно в храм традиций и наломаем там немало дров, ведь не зазря ж у нас руководитель – Владимир Николаич Топоров»). О конфронтации с академиком В.В. Виноградовым, которого раздражало скопление талантливых лингвистов в Инславе и который не раз стремился (часто успешно) переманивать их в свой Институт русского языка, была написана сценка «Кругом 16». На нескончаемые требования общества «Знание», чтобы учёные читали лекции в ателье, на заводах и т. п., Слава отреагировал блестящей сценкой, неоднократно (по просьбе коллектива) воспроизводившейся в праздничных капустниках: в пожарном депо, где пожарные уехали на пожар, лектору

⁴ Славкины рассказы о ностратике (мы уже знали этот термин), о её огромных перспективах заразили Юру, который всё размышлял, как применить ностратическую фольклорную материю, как расширить сопоставления.

пришлось читать свою серьёзную лекцию «Почему люди говорят на разных языках» сторожу и уборщице, которых интересовало исключительно происхождение «матюков». Досадно, что я не взяла тексты наших капустников у Инны Можасовой, хранителя традиций Инслава, хотя провела с ней рядом последние двое суток её жизни.

Слава был открыт всему новому, что тогда появлялось в жизни Москвы и страны. Это время позже назовут словом «оттепель». Он раньше нас почувствовал дыхание и ритм времени, жадно впитывая новое и делясь интересными открытиями. Так Слава открыл для меня Булата Окуджаву. Он каким-то образом записал на громоздкий магнитофон, предназначенный для диалектологических экспедиций, первые песни Окуджавы «Вы слышите – грохочут сапоги...», «А мы швейцару: отворите двери!», «Из окон корочкой...», которые я тут же взяла на вооружение. Достав, наверное с трудом, билеты в Лужники на выступление молодых поэтов, Слава потащил меня на этот концерт, где во втором отделении читали свои стихи Евтушенко, Вознесенский, Белла Ахмадулина и др. Большинство публики пришло слушать поэтов, а не эстраду в первом отделении. Зал начал шикать и топтать, требуя второго отделения. Известный конферансье Брунов, как властный хозяин мероприятия, стал грубо кричать на публику: «Прекратите! Иначе второго отделения вообще не будет!» Я впервые в жизни видела и слушала молодых поэтов и получила такой эмоциональный подъём, который вряд ли когда ещё испытала.

Слава родился в Киеве, который семья покинула в 1941 г., эвакуировавшись на Урал, в Чкалов (Оренбург). Там он закончил школу с золотой медалью и в 52-м году поступил в МГУ.

Он был единственным, поздним ребёнком. Мама его умерла, когда Слава учился в Москве. Папа, в быту человек малоприспособленный, мечтавший утвердиться в писательском мире, присылал свои произведения сыну с просьбой предложить их издательствам Москвы. Слава делился со мной своими безуспешными попытками пристроить опусы отца, в душе понимая их несостоятельность. В результате Славе пришлось в 63-м году принять Марка Владиславовича в Москве, устроив его в той же Загорянке, где они с Майей и Павликом снимали жильё. Правда, отдельно, так как их жильё было крайне тесным. Отец умер летом 63-го и похоронен на том же кладбище, где потом будет похоронен Слава. Только Володя был со Славой тогда, я с сыном была на юге. Позднее мы с Дыбо безуспешно пытались разыскать могилу Марка Владиславовича...

Слава был любящим и заботливым отцом, и когда Павлик находился в Калининне на попечении мамы Майи, он постоянно был в курсе жизни сына. Срывался в Калинин, чтобы отладить приём лекарств малышу, когда тот болел. В своё последнее лето 66-го года, когда они всей семьёй отдыхали на юге, Слава плотно занимался сыном, придумывая игры и забавы (о чём свидетельствуют фото того времени из опубликованных воспоминаний Майи).

Слава был трогательно внимателен к друзьям. Помня мой рассказ, как война лишила меня в 8 лет только что подаренного велосипеда, Слава на мою защиту притащил через всю Москву из ГУМа велосипед, много лет служивший мне и сыну. В 1963 году в издательстве «Наука» вышла книга Свитыча «Именная акцентуация в балтийском и славянском». Слава посвятил её нам: «Друзьям посвящаю». Спустя годы я как-то напомнила об этом вслух. И вдруг Дыбо мне серьёзно: «Откуда ты знаешь, что нам? У Славки много друзей». На подаренном мне экземпляре Славиной рукой написано: «Моему другу Римме». Видимо, для суровой мужской дружбы такое подтверждение было излишне.

Осенью 63-го года проходил V Международный съезд славистов в Софии. Патриарх американской лингвистики Роман Якобсон, держа в руке книгу Свитыча, сказал, что читал её как детектив, не отрываясь, так лаконично и доказательно она написана. Эта громкая, авторитетная оценка зарубежного учёного имела продолжение. Монография Славы была названа лучшей книгой Академии наук по языкознанию 1963 года. В этом же году вышел первый в мире македонско-русский словарь в 30 тысяч слов (В. М. Иллич-Свитыч и С. Толовски) с кратким грамматическим справочником македонского языка, написанным Славой. Слава предлагал мне стать редактором словаря. Я тогда не имела понятия о македонском языке и отказалась. Редактором стал Н. И. Толстой.

В январе 1964 г. Слава защитил свою книгу как кандидатскую диссертацию. С. Б. Бернштейн и В. Н. Топоров, оппонент Славы, настаивали, чтобы защита была оформлена как докторская. Слава был категорически против. Топоров закончил свою речь словами: «Настоящая защита – это фарс. Диссертация Иллич-Свитыча достойна присуждения ему учёной степени доктора наук».

12 сентября 1964 г. Славе исполнилось 30 лет. Я сделала ему подарок: собрала все его публикации – либо оттиски, либо моя машинопись – и отдала в переплёт. Получилась такая тонкая «диссертация», которая после 66-го года находится у Дыбо. В это же время Слава читал на ОСИПЛе в МГУ факультативный курс по индоевропеисти-

ке, на который Зализняк советовал молодым коллегам ходить (Бурас, стр. 216)⁵. Не отказал О. Трубачёву быть внутренним рецензентом его славянских этимологий. Помню рассказ Л. Гиндина, работавшего тогда у Трубачёва. Приходит к ним Свитыч, уединяется надолго с Олегом. После ухода Славы тот выходит из кабинета помятый и грустно изрекает: «Суров Свитыч».

К тому времени Славины мысли и планы в науке уже целиком были заняты проблемой генетического родства индоевропейской семьи с рядом больших семей языков Старого Света. Что фактически задокументировано Сэмом в его дневниковых записях, изданных посмертно, «Зигзаги памяти» (М., 2002, стр. 187): «Вчера весь день у меня на даче [лето 1954 г.] провёл Слава Иллич-Свитыч. Много гуляли, наслаждались природой, но одновременно много говорили по специальным вопросам. Он всесторонне одарён. Прекрасно разбирается в самых сложных вопросах сравнительной грамматики. Знает много языков. Боюсь, что мне не удастся удержать его в славянском и балтийском языкознании. Постепенно у него созревает потребность выйти за пределы не только славянского, но и индоевропейского языкознания. Последнее время его начали беспокоить общие элементы в различных языках Старого Света. Путь опасный. Сколько талантливых людей сломало себе шею на этом! Сделаю всё, чтобы удержать его в славянском языкознании. Хватит ли сил!!!»

Здесь уместно сказать, что отношение Славы к Сэму было сродни отношению сына к отцу. Мне он об этом говорил не раз. Но ни Сэм, ни кто другой был не в силах заставить Свитыча свернуть с избранного им пути в науке. Он действовал как танк – мощно, быстро, целеустремлённо. Слава твёрдо был уверен, что к концу 1966 года положит ностратический словарь в издательство. В течение трёх лет Слава плотно занимался сравнением, как сказал Сэм, «общих элементов в различных языках», увеличивая число этих элементов и расширяя круг сопоставляемых семей, доведя их до шести: индоевропейская, семито-хамитская, картвельская, уральская, дравидийская и алтайская. В процессе работы возникла необходимость самому дорабатывать материал отдельных семей до нужного уровня. Эти разработки требовали апробирования на специалистах, работающих в Институте языкознания АН. Слава обращался в этот институт с просьбой к коллегам обсудить его исследования. По меньшей мере дважды Слава бывал на таких обсуждениях. Мы с Дыбо его неизменно сопровождали.

⁵ См.: Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М., 2021. – Ред.

Было видно, как настороженно, а некоторые не скрывая недоброжелательной иронии, встречали там «слависта» с его претензиями на их поле деятельности. И как отношение менялось после его доклада и обсуждения. К сожалению, не могу достоверно вспомнить, в каком секторе Слава проводил эти обсуждения. Его публикации того времени могут дать подсказку. К руслу описываемых событий явно относится статья о картвельском вокализме, обнаруженная в архиве Славы, о которой мне недавно напомнила Анна. Статья не закончена (21 страница), но явно готовилась к публикации; машинопись – той же машинистки, что печатала первые страницы словаря. То, что мы с Дыбо не отдали её в печать, это, конечно, непростительно.

Было ещё одно важное дело, ожидавшее Славу. В этот горячий, завершающий этап работы над ностратическим словарём он собирался в последней трети августа ехать в экспедицию с коллегой по имени Шандор для сбора материала по венгерским говорам Закарпатья. Осталась телеграмма этого Шандора, где он советовал Свитычу, на какой поезд взять билеты для них в Будапешт. Такой насыщенный график был у Славы в это время, плюс заботы о домашних, остающихся без него на время командировки.

В субботнее утро 21 августа 1966 года Слава шёл с керосином в 10-литровой канистре по шоссе, где был сбит частным автомобилем почти на глазах Майи. Она провела со Славой все последние часы его жизни в местной больнице, где из-за выходных ему не была оказана надлежащая помощь. 22 августа Слава скончался.

Меня в Москве не было. Сосед-дедушка говорил, что кто-то приезжал в эти дни, спрашивал меня. Я с детьми⁶ была на юге, вернулись в Москву 28 августа из-за болезни детей. Тогда страшная инфекция унесла много детских жизней. Ириша легко переболела, а Андрей едва остался жив. Выходили мы его с отцом Ириши.

Трагедия со Славой подкосила меня. Страшно осунувшийся, помертвевший Володя и Лера повезли меня на свежую могилу Славы. Я не всё отчётливо помню из этого периода. Павлуша спросил меня в 2010 году – правда ли, что он прожил у нас несколько дней на Ленинском проспекте в конце августа? Я подтвердила, потому что это горькое воспоминание, как 8-летний Павлик в нашей 18-метровой комнате

⁶ С 1964 года у меня уже было двое детей: Ириша, старше Андрея на два года, дочь моей коллеги Маргариты Анатольевны Гадолиной, осталась без матери в 62-м году. Её опекали три тётки, я – младшая. Последние 15 лет я остаюсь её единственной тёткой.

передвигался, скользя по полу, как он привык в крохотном пространстве перемещаться в Загорянке.

Я не находила себе места и вызвалась ехать в колхоз с Володей Волковым на две недели. И по возвращении из колхоза не могла переносить присутственные дни в Институте, где не было Славки. Мне казалось, что жизнь остановилась. А ведь 1966 год был для Дыбо и Свитыча полон радужных надежд: они оба вступили в загородный жилищный кооператив Академии наук «Восход» и вот-вот должны были обрести своё жильё. Володя смог одолеть взнос с помощью мамы Леры на трёхкомнатную квартиру, Слава – на двухкомнатную, заняв деньги у Сэма и Гриши Венедиктова. В конце года они должны были въехать в кооперативный дом в Мытищах. Слава не дожидаясь этого дня, а Володя живёт там до сих пор. Потом и Анна из Москвы перебралась в Мытищи в тот же дом. Дети моих друзей, Павел и Анна, были одноклассниками. Об этом я узнала спустя более 20 лет, когда они встретились у меня дома в Ясенево.

Ностратический словарь

У Володи была твёрдая решимость – что давало нам силы пережить уход Славы – довести его ностратический словарь до публикации. Сэм не верил в это, считая, что нет во всём мире таланта такого уровня: специалиста, обладающего такими знаниями такого масштаба и способного вести анализ шести больших языковых семей Старого Света. И он втихую снял ностратический словарь из издательского плана...

Мы об этом узнали не сразу. В планкарте Дыбо словарь не значился. Впрочем, Володю это ничуть не волновало. Не было нам известно, в каком состоянии находится Славин труд, пока Майя не давала нам рабочий материал. Не буду озвучивать нелепые условия, которые ставились нам при работе с архивом Славы, которые разрешились после зачисления Майи в Инслав, и 9 сентября нам было разрешено перевезти архив Славы в Трубники. Это были многочисленные ящики с картотеками, конверты, папки с черновиками, набросками, готовыми вводными разделами по каждой языковой семье. Отсутствовал индоевропейский раздел, самый простой для Свитыча. Его мы попросили написать В. Н. Топорова. Помню, как пришлось В. Н. просить доработать его до уровня остальных. Имелась машинопись 42 первых страниц (!) и наброски общей структуры словаря. То есть старт был дан.

Но какого же колоссального напряжения стоило Дыбо освоение Славиного материала! Володя выглядел озабоченным, подавленным, он был молчалив, сосредоточен и закрыт. Думаю, только Лера и в какой-то мере я имели представление, как непросто давалось Володе вхождение в Славину ностраттику. Свитыч постоянно вёл с другом разговоры о своём труде, о том, чем сам болел и что преодолевал. Но одно дело быть полезным, заинтересованным собеседником, иное дело – стать наравне с автором, творцом. Удача, что Славин рабочий материал показывал этапы постижения. Высокая культура его архива облегчала работу с ним. Архисновательность Дыбо проявлялась не только в супертребовательности к себе самому. Он ставил непременно условием проверку по возможности всего языкового материала соответствующими специалистами. Этим занимались мальчики из Ностратического семинара, плюс молодые специалисты из Института языкознания – Андрей Королёв и др.

Не знаю, чья была инициатива пригласить Арона Долгопольского в помощь Дыбо. И тут я выступила против. У меня был единственный аргумент: я была случайно свидетелем одного контакта Свитыча с Долгопольским. Дело было в Ленинке, где мы со Славой на перерыв вышли к балюстраде. Вдруг к Славе подскочил незнакомый мне небольшого роста юркий человек и сходу начал засыпать Славу вопросами. Я тут же отошла в сторону и не слышала, о чём этот, с моей точки зрения, довольно беспардонный субъект спрашивает Славу. По Славке было видно, что этот человек ему знаком и неприятен. Разговор был недолгим. Слава вернулся ко мне раздражённый. Я спросила, кто это был. Слава назвал фамилию и сказал, что он из Института языкознания, добавив: «Ну его! Поговоришь с ним, а он тут же что-то публикует». Короче, ничего не зная о Долгопольском, кроме этой сценки в Ленинке, и помня критическое отношение Славы к нему, я была против его участия в работе с материалом Славы, считая, что Слава был бы против. Мнения Дыбо не помню, скорее всего его просто не было. Топоров же, мнение которого я всегда высоко ценила, был за Долгопольского. Я, скрепя сердце, смирилась. Но оставалась настороже при его появлении около карточек Свитыча.

Можно представить, как был горд и счастлив Арон, столь ценивший любой контакт со Свитычем, получив теперь возможность прикоснуться к его рабочим материалам. Арон появлялся в Трубниках в окружении учеников и, непрерывно им что-то вещая, выхватывал из ящиков Славы карточки, которые я тут же возвращала на место.

Возможно, Арон первое время не понимал, что такое Дыбо, и считал себя главным специалистом в данной проблематике. Но надо отдать ему должное: он довольно скоро оценил основательность и тщательность Дыбо. Он, можно сказать, прошёл за 4 года тесного, регулярного общения с Дыбо серьёзный «курс повышения квалификации». Он познакомился с культурой работы Свитыча и Дыбо, о которой явно не имел представления. А когда Дыбо мучительно создавал фонетические таблицы разных уровней, благодаря которым обеспечивалась высокая степень доказательности ностратических этимологий, Арон искренне не верил, что это – его работа, и высказывал предположение, что таблицы имелись в архиве Свитыча и мы просто их от него скрыли.

Со временем определился чёткий график наших рабочих встреч – раз в неделю по 3–4 часа в Трубниковском переулке. Однажды нам пришлось ненадолго перенести встречи в квартиру Арона на проспекте Вернадского. С этим событием в нашем семейном «архиве» остался один курьёзный случай. Мы втроём сидим за обедом, и я с полным ртом объявляю: «Мы теперь к Арону будем ездить каждую неделю». Оба Гудковы: «Почему?» Я: «Потому что жена у него в больнице». Гудковы оба в недоумении: какая жена? какая больница? Они оба услышали, что «мы теперь макароны будем есть каждую неделю».

Тут прояснился и стиль работы Арона Борисовича. Когда Дыбо нужна была какая-то справка, Арон бросался в один из углов своего рабочего кабинета, где повсюду на полу лежала куча бумаг. Он рылся в одной куче, не находя, перебегал к другой и в конце концов извлекал нужную бумажку.

Арон – человек высокой активности и коммуникабельности. Именно благодаря ему в 10-м томе Советской энциклопедии появилась статья о ностратике и Иллич-Свитыче (не помню на какую букву, кажется, на «Н»). По-видимому, присутствие Арона и его компетентность в семито-хамитской области служили на пользу дела, особенно ввиду особенности Дыбо, которого всегда стимулировало наличие собеседника, и обеспечивали должный тонус в работе. Таким образом через 4 года был подготовлен солидный том «Опыт сравнения ностратических языков (б-К)».

И тут возникла, казалось бы, непреодолимая проблема: издательство «Наука» отказалось принять книгу для печати из-за сложности набора. Лёня Гиндин, перешедший к этому времени работать в Инслав и обладавший даром узнавать новости раньше всех, сказал, что при

издательстве «Наука» образовался новый цех, называется Офсетный и находится в Подсосенском переулке возле метро «Курская». Этот неизвестный нам способ офсетной печати предполагает новые возможности для технически трудных текстов. Как – непонятно, одно известно, что можно тонким пером рисовать, подрисовывать нужные знаки. Это как раз то, что нам было нужно для ностратических примеров.

И я пошла на поиски этого цеха. Нашла и Подсосенский, и цех. Это была большая, метров 30 квадратных, комната, где сидело 10–12 девочек за электрическими машинками с русской клавиатурой. Руководила ими милейшая, доброжелательная дама средних лет – Антонина Васильевна (фамилию не помню). Заведовал цехом Васильев, молодой мужчина, скрывавшийся в своём кабинете. Мне удалось договориться с Антониной Васильевной, предъявив ей наш машинописный том, что девочки (их, помнится, нам выделили двух) будут набивать русскую основу текста и делать пропуски для латинского текста, тщательно просчитывая количество знаков. Мне показали таинственный электрический агрегат, называемый «веритайпер», стоящий без дела и способный работать с массой шрифтов на «вставных челюстях». Я не помню как, но я достаточно быстро овладела веритайпером и полюбила его, став его единственным оператором. Его латинский шрифт органично сочетался с русским шрифтом. Девочки работали старательно и аккуратно. Дело пошло. В течение трёх месяцев я работала в офсетном цехе, став там своим человеком. Антонина Васильевна доверяла мне ключи от цеха, и я могла работать по выходным дням. Сложности были с таблицами, где трудно давалась работа техреда, и Дыбо не щадил мой труд, внося правки красной ручкой. Впервые за годы нашей дружбы дело дошло до откровенной конфронтации, которую погасил Гриша Венедиктов. Итак, макет наборного экземпляра (так называлось то, что было создано в офсетном цеху) был готов (должна со стыдом сознаться, что недосмотрела, и в оглавлении оказался пропущен индоевропейский раздел; увидела это спустя годы). Книга в твёрдой зелёной обложке быстро появилась на свет.

Мы тогда не знали, что Васильев представил книгу на конкурс ВДНХ по офсетной печати и получил, кажется, 2-ю премию за неё. Не помню, как и когда нам стало об этом известно. Спустя лет 20–25 Васильев поднялся по карьерной лестнице до директора издательства «Наука», и когда директор Инслава Волков со своим замом Хоревым были у него на приёме по издательским делам, Васильев их спросил: «Булатова у вас ещё работает?» Помнит ту, что принесла ему награду на ВДНХ!

Резонанс на выход Ностратического словаря был ощутим благодаря зарубежным рецензиям и конференциям, прошедшим в Институтах АН – Инславе, Языкознания, Востоковедения. В организации этих конференций деятельную помощь нам оказывал Вячеслав Всеволодович Иванов, в частности в формировании тезисов и программ. По этим поводам мне приходилось бывать у него дома на проспекте Вернадского, а однажды мы с ним работали и на моей территории. Однако, когда ОЛЯ (Отделение языка и литературы АН) предложило Дыбо выступить на их заседании с докладом о ностратике, мы оказались без поддержки (наш Инслав, напомним, был в Отделении истории). По сути дела, это был вызов «на ковёр». Появившаяся ностратика костью сидела в горле у академиков-лингвистов. Наш шеф Н. И. Толстой просил меня передать Дыбо, чтобы он предложил академикам доклад по акцентологии. Вяч. Вс. Иванов рекомендовал построить доклад попроще, как можно популярнее, чтобы академикам было понятно. И оба не пришли на доклад. Не пришёл и Топоров.

Дыбо со своими учениками Ностратического семинара решили иначе. Заседание было в помещении Института русского языка. Там «семинаристы» исписали всю большую доску самыми яркими ностратическими этимологиями. Доклад Володи, написанный на соответствующем уровне, по моей просьбе Дыбо предварительно прочёл вслух, чтобы проверить – укладывается ли он в 30 минут, которые были ему определены по регламенту. Из присутствующих на заседании академиков я знала только Трубачёва. Доклад прошёл как надо – солидно. Володя внятно читал текст и указкой показывал нужные примеры. На заданном Дыбо уровне дискутировать с ним желающих не нашлось. Были незначительные вопросы. В качестве уполномоченного посла Никиты Ильича присутствовала Светлана. Но напрасно наш шеф испугался. Мы были на высоте. Через пару недель Инслав получил надлежащее решение того заседания ОЛЯ. В нём ностратика одобряться, Инслав получил разрешение и дальше её развивать. Очень жалею, что не удосужилась скопировать эту бумагу. Нам дирекция на словах сообщила о положительном решении ОЛЯ. Дальше Володя ещё поработал на два тоненьких выпуска Ностратического словаря по остаткам Славиного материала. Далось это непросто.

Не могу умолчать о том, что гложет меня постоянно: о до сих пор не оценённом по достоинству исключительном явлении – Ностратическом семинаре имени В. М. Иллич-Свистыча, которым руководил Дыбо. Семинар этот зародился сам собою в годы работы над Ностра-

тическим словарём (1967–68 гг). Он с тех пор собирался регулярно, креп и просуществовал много десятилетий как живой организм, в котором ковались крепкие, квалифицированные кадры талантливых компаративистов. Я не была ни на одном заседании семинара, и не мне писать о нём. Он достоин настоящего исследования как абсолютно уникальное неформальное научное объединение, возглавляемое не популярным, не оратором, не наставником, не полиглотом – Владимиром Антоновичем Дыбо, который как магнит привлекал к себе лишь невероятной глубиной и обширностью научных знаний, абсолютной, подлинной поглощённостью наукой. Только такая личность могла создать и обеспечить плодотворную жизнь тому научному объединению, каким стал Ностратический семинар имени В. М. Иллич-Свитыча.

* * *

Моя профессиональная жизнь была счастливой. Она подарила мне такое исключительное окружение, чудодейственную дружбу с талантливейшими людьми, учёными от Бога. Благодаря им я поняла, что значит настоящая наука, верная дружба. Получив шанс быть рядом с ними, обрела жизненные ориентиры.

Пока я писала эти воспоминания, я мысленно была рядом с Володиёй, прокручивая в голове всё, что связано с ним. Пожалуй, впервые осмыслила масштаб его гигантской личности. После того, как судьба предопределила ему переквалифицироваться в ностратика, он вернулся к своей исконной области – к исторической акцентологии. Нарботанные им в этой области глубокие и широкие результаты он должен изложить в своей последней монографии. Анна полна решимости помочь ему это сделать. Бог ей в помощь!

Только Владимир Антонович Дыбо мощью своего таланта, научного багажа, пониманием значимости ностратики В. М. Иллич-Свитыча, открывшего новое направление в языкознании, мог довести труд своего друга до публикации. Плотно работая с материалом Иллич-Свитыча, Дыбо точнее и определённое сформулировал заложенное Свитычем, благодаря чему гипотеза отдалённого родства языков Европы, Азии, Африки, названная ностратикой, обрела характер доказательной научной теории. И вот – его собственная оценка феномена Иллич-Свитыча:

Имя этого учёного по крайней мере в течение ряда десятилетий будет в центре внимания работ по компаративистике нескольких больших семей Старого Света. В В. М. Иллич-Свитыче сочетался колоссальный талант исследователя с огромной работоспособностью, поразительная по частоте переключаемости со столь стремительным овладением научной информацией и глубочайшим проникновением в материал всё новых и новых языковых групп. И всё это объединялось изумительной целеустремлённостью, единством творческой мысли, неукротимой и всеразрешающей, которую направляла сама Воля Науки. Такой синтез качеств невозможно назвать иначе, чем гениальностью.

О надгробии Славы

Майе было не по силам и возможностям заниматься оформлением могилы Славы. Она осталась одна (мама её умерла) с 8-летним сыном, с кучей долгов за кооператив. Наш институт взял её на работу 9 сентября 66 г. младшим научным сотрудником в сектор истории науки, где Майя проработала до пенсии, защитила кандидатскую диссертацию, вырастила сына, который после окончания Института электронной техники получил распределение в Троицк, где со временем обзавёлся семьёй. Майя со временем обменяла свою мытищинскую квартиру на однокомнатную в Троицке в одном доме с сыном и внуком. Она умерла 30 июня 2014 года и похоронена на Хованском кладбище. Павел достойно оформил могилу матери.

Мы с Володей, конечно, были озабочены надгробным памятником Славе. В те годы не было обилия соответствующих мастерских. Гранитные и тем более мраморные памятники были за пределами дороги. Мы организовали сбор средств среди коллег, прежде всего нашего Инслава и других лингвистических институтов. Существенный вклад внёс С. Б. Бернштейн.

Реальная помощь неожиданно пришла от Марии Николаевны Витт, матери моей коллеги и подруги Вивианы Витт. Мария Николаевна – удивительный человек деятельной доброты. Впечатлившись моим рассказом о гениальном учёном Славе Иллич-Свитыче, она сумела заинтересовать и вдохновить своего знакомого художника-скульптора Эрика Николаевича Гилярова, жившего в Горках-10, где была дача Виттов. В распоряжении Эрика был один материал – белый бетон. Из него и были сделаны две плиты: одна – надгробная с соответствующей надписью и вторая, стоящая у изголовья надгробной, на которой воспроизведено стихотворение Славы, в котором сформулировано его кредо

учёного на ностратическом и ниже – на русском языках. Эрик тщательно передал почерк Славы, скопировав с помощью медной проволоки то, что было на карточке, обнаруженной нами в рабочем ящике Славы среди материалов по языкам.

Вот таким белым было первое оформление могилы Славы, которое удалось сделать не раньше 1970 г. На открытие надгробия приехал на такси Сэм. Никто, к сожалению, не сфотографировал это событие.

Я ежегодно посещала Славину могилу на Загорянском кладбище. Потом несколько лет был у меня перерыв. В 2009 году мы втроём – Дыбо, я и Гриша Венедиктов – выбрались туда вместе (надо было добираться сначала на электричке, далее – пешком). Долго не могли найти могилу: кладбище разрослось. Мы даже разделились в поисках. Повезло Грише – он нашел первым. Оказалось, что раскололась и провалилась надгробная плита. Стали собирать деньги на восстановление надгробия: Гриша – в нашем институте (я уже тогда не работала), а Володя – в РГГУ, где он в то время был. Большую сумму дал Андрей Зализняк. Деньги были переданы мне, я съездила на Хованское кладбище, посмотрела в мастерской имеющийся материал, прикинула наши возможности. Потом связалась с Павлом, которого видела последний раз в 1996 г. на похоронах Инны Можяевой, попросила о встрече на Хованском кладбище в удобный для него день: нужен был его паспорт. Он приехал на своей машине, за рулём был его сын Ваня, студент последнего курса института. Мы с Павлушей выбрали чёрную гранитную плиту для надгробия, обговорили сроки и, главное, договорились, что сами производители установят плиту: расстояние от Москвы им позволяло. Вот так в 2012 г. была обновлена Славина могила. Я ещё заказала овал с фотографией Славы, а Павел с Ваней ловко и надёжно прикрепили ее в верхнем правом углу Эриковой плиты со стихом.

6 января 2023 г., США.

Сектор славянского языкознания,

Институт славяноведения АН СССР, 1961 г.

1-й ряд (сидят): М. И. Ермакова, Е. И. Дёмина, Л. Э. Калнынь,
С. Б. Бернштейн, К. И. Ходова, И. К. Бунина. 2-й ряд: Т. В. Попова,
Г. П. Клепикова, Р. В. Булатова, Л. С. Малаховская, И. Е. Можая,
Н. Г. Владимирская. 3-й ряд: А. А. Зализняк, В. М. Иллич-Свитыч,
Г. К. Венедиктов, В. А. Дыбо, Л. Н. Смирнов, Г. П. Нецименко,
В. Н. Топоров, Е. В. Чешко, Р. М. Цейтлин.
Отсутствуют З. Н. Стрекалова, Н. И. Толстой, М. Г. Рожновская.

Расторгуево, лето 1959 г. Слава, его жена Майя Никулина,
их сын годовалый Павлик, Володя Гудков и Римма.

Ленинский проспект, дом 93, кв. 60. 1961 г.
В нашей 18-метровой комнате и на балконе.

Подарок Славы: умный кот Микуся (около 1964 г.).

Володя Дыбо и Лера у нас на проспекте Вернадского
с нашей собакой Ласси (1970 г.)

80-летние Володи Дыбо.
Мытищи, 30 апреля 2011 г.

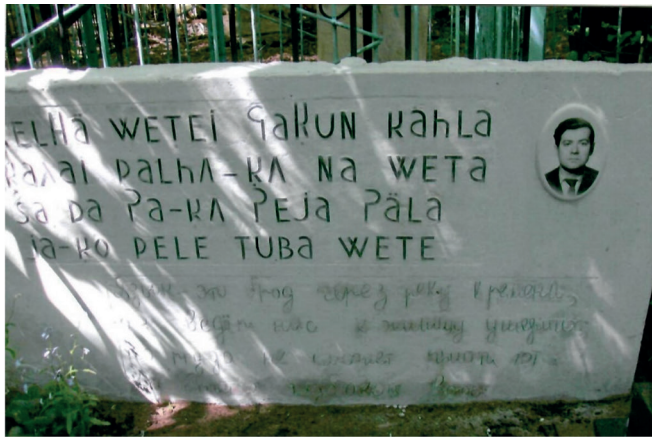
85-летние Володи Дыбо. Кафе «Пушкин», Москва, 2016 г.

Семья Павла Иллич-Свитыча: жена Лена, сын Ваня. В квартире
Р. В. Булатовой в Ясенево, 2015 г.

Володя, Анна и Римма в квартире Р. В. Булатовой. Ясенево, 2017 год. Под
полкой – фотография портрета М. Н. Витт кисти художника Кирсанова,
1925 г.

ҶеиНә ԡеҗеи ҒаҶун кәһлә
 җәләи пәһл-қл нә ԡетә
 ша да җа-қл җеја җәлә
 ја-қо পেле туба ԡете

Язык – это брод через реку времени,
 он ведёт нас к жилищу ушедших;
 но туда не сможет дойти тот,
 кто боится глубокой воды.

Могила Славы. 2014 г.